

**ШЕДЕВРЫ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус)6
С87

Серия «Шедевры мировой литературы»

Вступительная статья и комментарии
Бориса Вишневского и *Марианны Алферовой*

Оформление обложки *Юлии Межовой*

В оформлении обложки использована фотография,
предоставленная *Андреем Стругацким*

Во вступительной статье использованы фотографии,
предоставленные *Андреем Стругацким* и *Борисом Вишневским*

В оформлении использованы иллюстрации
Марианны Алферовой и *Станислава Галай*

Стругацкие, Аркадий Натанович и Борис Натанович

С 87 Пикник на обочине / Аркадий и Борис Стругацкие; вступ. ст. и коммент. Б. Вишневского и М. Алферовой. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 317, [1] с. — (Шедевры мировой литературы).

ISBN 978-5-17-139412-7

«Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» — фраза из, пожалуй, самого популярного романа братьев Стругацких, культовая для нескольких поколений. Вместе с ней в «Пикнике на обочине» родились такие слова, как «сталкер» и «Зона», ставшие общеупотребительными.

Рискуя жизнью, сталкеры добывают из Зоны артефакты — не более чем космический мусор, оставленный пришельцами на Земле подобно тому, как после человеческого пикника на обочине дороги остаются пустые бутылки, банки и упаковки. Никому точно не известно, для чего предназначены эти артефакты, порой несущие огромную опасность. Каждый сталкер мечтает дойти до Золотого Шара, который может выполнить самое сокровенное желание.

В этом комментированном издании с иллюстрациями мы предлагаем читателю еще раз вместе с Рэдриком Шухартом проделать путь по Зоне к Золотому Шару.

ISBN 978-5-17-139412-7

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус)6

© Аркадий и Борис Стругацкие, наследники, текст, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2021
© Марианна Алферова, вступ. ст., ил., 2021
© Станислав Галай, ил., 2017

Аркадий и Борис
Стругацкие

Пикник
на обочине

Москва
Издательство АСТ

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

Самые знаменитые (и самые читаемые) из отечественных фантастов — братья Аркадий и Борис Стругацкие — выросли в семье, которую они сами называли необычной даже для того необычного времени.

Их отец, искусствовед Натан Стругацкий, в 1916-м вступил в партию большевиков, в Гражданскую войну стал комиссаром в кавалерийской бригаде, а после демобилизации служил партийным функционером на Украине, где и познакомился с дочерью мелкого торговца Александрой Литвиничевой, вышедшей за него против воли родителей и проклятой ими за мужа-еврея.

Семья переезжала с места на место — куда бросала партия. В 1925 году в Батуми родился Аркадий, а вскоре после его рождения Натан Стругацкий был направлен на партийную работу в Ленинград, и в 1933 году там же родился Борис.

Когда началась Великая Отечественная, Натан Стругацкий, работавший в Публичной библиотеке, пришел

Борис и Аркадий Стругацкие

в военкомат, но по возрасту его не взяли. Тогда в сентябре он записался в ополчение, где стал командиром роты.

В начале 1942 года он был комиссован, как вспоминал Борис Натанович, «вчистую — опухший от голода, полумертвый, с останавливающимся сердцем». Аркадий, которому к тому времени исполнилось 17 лет, участвовал в строительстве оборонительных сооружений и работал в мастерских, где производились ручные гранаты.

Вскоре появилась возможность эвакуации вместе с последней партией сотрудников Публичной библиотеки. Считалось, что малолетний Борис эвакуации не выдержит, и потому решено было разделиться: в январе 1942-го отец и Аркадий уехали, а Борис с матерью остались.

Долгое время они считали, что отец и старший брат погибли — от них не было никаких вестей. И только в августе 1942-го пришло письмо от Аркадия из Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Выяснилось, что на Дороге жизни машина попала в полынью, но они с отцом сумели выскочить из кузова, провалившись при этом по пояс в воду. Затем в 30-градусный мороз эшелон с эвакуированными восемь дней

*Борис и
Аркадий
Стругацкие
с матерью
Александрой
Ивановной
Литвиничевой*

шел до Вологды, ехали в товарных вагонах, без отопления, по три-четыре дня без еды. Умерших в пути, как дрова, складывали в углу. Из тридцати человек, погрузившихся в вагон, живыми доехали только одиннадцать. Сколько выжило на самом деле, неизвестно. Натан Стругацкий в Вологде скончался.

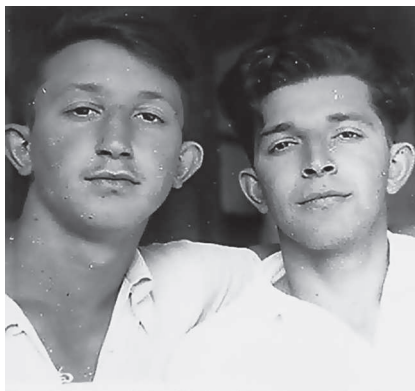
В феврале 1943 года Аркадий ушел в армию, закончив Актюбинское минометное училище, и полагалось ему попасть летом 1943-го на Курскую дугу и погибнуть там вместе со всем своим курсом. Но случилось иначе: Аркадий стал слушателем японского отделения восточного факультета Военного института иностранных языков и до 1955 года служил на Дальнем Востоке.

После демобилизации старший лейтенант Стругацкий вернулся в Ленинград, к матери и брату, уже учившемуся на математико-механическом факультете ЛГУ (до этого они виделись урывками — раз в год, когда Аркадий приезжал в отпуск).

Борис, закончивший в 1950 году школу с серебряной медалью, хотел поступать на физфак, но принят не был.

Вот что он рассказывал в одном из интервью:

«В последних классах школы я интересовался, главным образом, двумя дисциплинами. В первую очередь — физикой, во вторую очередь — астрономией. Физикой, естественно, атомной, ядерной. Тема тогда была модная, а мне как

*Борис и
Аркадий
Стругацкие.
Ленинград,
август 1949 г.*

раз попалось в руки несколько современных книг про атомное ядро и про элементарные частицы, и я их с наслаждением прочитал. Впрочем, „прочитал“ — сказано слишком сильно. Там были и достаточно популярные книжки, а были и вполне специальные монографии, начинавшиеся прямо с уравнения Шредингера, которое я и двадцать лет спустя воспринимал как самую высокую науку. Книги эти в большинстве достались мне по наследству от Аркадия Натановича, который тоже всеми этими вещами в конце 40-х очень интересовался. И астрономией я тоже увлекался, опять же следуя по стопам старшего брата, который еще до войны сам мастерил телескопы, пытался наблюдать переменные звезды, а меня заставлял рисовать Луну, как она видится в окуляре подзорной трубы... Но изначально поступал я все-таки не на мат-мех — поступал я на физфак. Я был серебряным медалистом и имел все шансы поступить благополучно, но однако же ничего у меня не получилось. Почему — я точно не знаю до сих пор. По тогдашним правилам, каждый медалист должен был проходить так называемый коллоквиум, собеседование, после которого ему без всяких аргументов объявлялось решение. В моем случае это решение было: „Не принят“. Это был 1950 год, медалистов собралось на физфаке человек пятьдесят, и только двоих не приняли. Меня и какую-то девочку, фамилии которой я не помню, но в памяти моей она ассоциируется почему-то с фамилией Эйнштейн. В общем, что-то там было не в порядке

у этой девочки с фамилией... Почему не приняли? Есть два объяснения...

— *Уже началась известная антисемитская кампания?*

— Она не просто началась, она была в самом разгаре. И хотя по паспорту я числился русским, тот факт, что я Натанович, скрыть было невозможно, да и в голову не приходило — скрывать. Может быть, мама что-то и понимала в тогдашней ситуации, а я уж был полнейшим беспросветным лопухом. Так что, возможно, дело было именно в отчестве. Особенно если учесть, что на коллоквиуме я честно и прямо заявил, что хочу заниматься именно ядерной физикой. Это был, конечно, опрометчивый поступок.

— *Насколько я помню, тогда в Советском Союзе ядерной физикой занималось очень большое число людей с аналогичными отчествами и фамилиями. Пожалуй, они даже составляли большинство в этой науке...*

— Это так, но, видимо, были уже даны кому следует указания о том, что этих фамилий и отчеств вполне достаточно и пора бы это безобразие прекратить. (Позднее, помнится, это безобразие получило вполне бюрократическое определение: „засоренность кадров“.) Однако и другое объяснение тоже вполне возможно: как-никак, отец наш был исключен из партии в 1937 году, и в партии его так и не восстановили. Я ничего этого, правда, в анкетах нигде не указывал (да и вопроса соответствующего в тех анкетах, кажется, не было), но те, кому было положено, наверняка об этих моих обстоятельствах знали. Должны были знать, по крайней мере. И также знали они, конечно, что мой дядя Александр Стругацкий — родной брат отца — был расстрелян в 1937 году. Вот эти два фактора, скорее всего, и сыграли свою роль... Я был в отчаянии, как сейчас помню, — удар был тем более страшен, что ничего подобного я не ожидал вообще. Мама, помнится, пыталась найти каких-нибудь знакомых из тех, кто работал в ЛГУ, чтобы как-то похлопотать, ничего у нее не получилось, естественно, но тут кто-то из этих знакомых по-

*Борис
Стругацкий.
1998 г.*

советовал: попробуйте мат-мех, там же есть астрономия, а мальчик астрономией интересуется... И я пошел на мат-мех. Там я тоже оказался в толпе медалистов, но на сей раз благополучно поступил, без всяких трудностей, если не считать того обстоятельства, что меня предварительно основательно помучили — вызвали на собеседование самым последним. Впрочем, все это уже были совершенные пустяки. Я не очень горевал, оставшись без своей ядерной физики: как-никак, астрономия тоже была моей любовью, пусть даже и второй, и впоследствии занимался я астрономией и математикой с большим удовольствием и прилежанием»¹.

Закончив университет, Борис поступил в аспирантуру Пулковской обсерватории и работал там над проблемой происхождения двойных и кратных звезд. Еще во время учебы он сделал довольно любопытную, по мнению его научного руководителя Кирилла Федоровича Огородникова, курсовую работу: она была связана с динамикой поведения так называемых широких звездных пар. Получился интересный результат, на основании которого Бориса и брали в аспирантуру — он должен был сделать на этом материале диссертацию.

В течение двух с половиной лет он ее писал, и все шло очень хорошо, но потом выяснилось (сам же Стругацкий

¹ Из интервью Бориса Стругацкого Борису Вишневному.

и выяснил, роясь в обсерваторской библиотеке), что эту работу уже сделал в 1943 году американский астрофизик индийского происхождения Субраманьян Чандрасекар. Защищать стало нечего, новую работу за полгода до окончания срока начинать было бессмысленно. В результате, так и не написав диссертацию, Борис поступил на счетную станцию Пулковской обсерватории, где проработал почти десять лет, до 1964-го. Ему приходилось иметь дело со счетно-аналитическими машинами, на которых производились научные расчеты. Это были гигантские электрические арифмометры, размером три метра в длину и полтора метра в высоту, которые страшно рычали, гремели и лязгали своими многочисленными шестернями, перфораторами и печатающими устройствами... Никакого программирования в то время, естественно, не существовало, было лишь так называемое коммутирование, изначально эти электрические гробы предназначались только для сложения и вычитания. Но их можно было все-таки научить умножению, делению и даже извлечению квадратного корня. Эта работа увлекла Бориса Стругацкого, и он занимался ею с большим удовольствием несколько лет. Но задолго до ухода из обсерватории его главным делом стала вовсе не астрономия.

Как выше упоминалось, в июне 1955-го в Ленинград приехал демобилизовавшийся старший лейтенант Аркадий Стругацкий. Он уже имел «за плечами» написанную в соавторстве с Леонидом Петровым повесть «Пепел Бикини». Братья выяснили, что у них сходные взгляды на науку и литературу — и что Борис давно уже мечтает писать.

На следующий год Аркадий переехал в Москву, поступив работать в Институт научной информации, а затем перешел в Восточную редакцию крупнейшего в стране издательства художественной литературы — Гослитиздата. И именно в этом году Стругацкие написали свое первое научно-фантастическое произведение «Страна багровых туч». Оно было отдано в издательство «Детская литература» — и в 1959 году напечатано.

Конечно, для подавляющего числа поклонников Стругацких знакомство с ними началось со «Страны багровых туч». Именно с этой повести (как в свое время с «Пяти недель на воздушном шаре» у Жюль Верна) идеи АБС стали овладевать массами. Именно здесь впервые появились Алексей Быков, Владимир Юрковский, Михаил Крутиков и другие любимейшие наши герои. Наконец, именно за «Страну багровых туч» братья Стругацкие получили свою единственную за все времена и произведения премию от государства — третью премию «Конкурса на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста», в размере 5000 рублей. Как позже заметит Борис Стругацкий, «неплохие деньги по тем временам — четыре мамины зарплаты...» При этом и Аркадий, и Борис «Страну багровых туч» активно не любили, а Борис Стругацкий сперва даже категорически отказался включить эту повесть в первое в российской истории собрание сочинений АБС («текстовское»), и она вошла в один из двух дополнительных томов только под давлением общественности...

Но так или иначе — тут-то и родился писатель «братья Стругацкие». И далее, как напишет потом Аркадий, «пошли книги», которые каждый уважающий себя любитель фантастики может перечислить, даже будучи разбужен ночью: 1960 — «Путь на Амальтею», «Шесть спичек», 1961 — «Возвращение (Полдень, XXII век)», 1962 — «Стажеры», «Попытка к бегству», 1963 — «Далекая Радуга», 1964 — «Понедельник начинается в субботу»...

Обложка первого издания романа «Полдень, XXII век (Возвращение)». 1967 г.

Обложка второго издания повести «Страна багровых туч». 1960 г.

Обложка первого отдельного издания повести «Стажеры». 1962 г.

Обложка первого издания повести «Далекая Радуга». 1963 г.

Какими были братья Стругацкие в начале своего писательского пути?

Сегодня это звучит удивительно, но тогда они оба были настоящими сталинцами! Считали, что все происходящее — правильно, а если и встречаются какие-то недостатки и неприятности — это неизбежно, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Считали, что «лес рубят — щепки летят», коммунисты — настоящие люди, большевики — замечательные, дело наше правое, мы обязательно победим... Случаются, конечно, отдельные негодяи, которые мешают нам трудиться и побеждать: вот, вчера Берия был великий человек, а сегодня Берия — английский шпион...

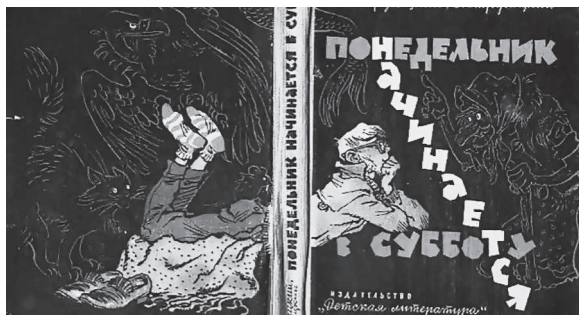
Это — не вольное изложение автора статьи, это — воспоминания самого Бориса Стругацкого. Избавление от «сталинщины» началось лишь незадолго до XX съезда КПСС — когда Аркадий Стругацкий женился на своей второй жене. Она была из семьи старинных русских интеллигентов, принявших русскую революцию от всего сердца и по которым эта революция проехала всеми колесами и гусеницами.

«Лена все знала, все понимала с самых ранних лет, во всем прекрасно разбиралась, всему знала цену, — рассказывал Борис Стругацкий. — И она была первым человеком, который как-то поколебал мою идиотическую убежден-

Обложка
первого издания
повести
«Хищные вещи
века». 1965 г.

Обложка издания повести
«Понедельник начинается в субботу».
1965 г.

ность — еще до Двадцатого съезда. Я помню бешеные споры, которые у нас с ней происходили, с криками, с произнесением сильных слов и чуть ли не с дракой. Помню, как Аркадий стоял между нами белый как бумага и уговаривал: ребята, опомнитесь, бросьте, все это чепуха, ерунда, не обращайте внимания, давайте лучше выпьем... Но мы с Ленкой продолжали бешено орать друг на друга: Ленка кричала, что все они (большевики то есть, молотовы эти твои, кагановичи, ворошиловы) кровавые бандиты, а я кричал, что все они великие люди, народные герои... А потом наступил Двадцатый съезд, и мне было официально объявлено, что да, действительно, большая часть этих великих людей — все-таки именно кровавые бандиты. И это был, конечно, первый страшный удар по моему самосознанию. Да и венгерские события были в том же самом году и тоже оказали свое воздействие. Но вера в правоту дела социализма и коммунизма сохранялась у нас долго. „Оттепель“ способствовала сохранению этой веры — нам казалось, что наконец наступило такое время, когда можно говорить правду, и многие уже говорят правду, и ничего им за это не бывает, страна становится честной, чистой... Этот процесс „эрозии убеждений“ длился, наверное, до самых чешских событий 1968-го. Вот тогда и наступил конец всех иллюзий».

Обложка журнала
«Фантастика»
1962 год,
в котором была
опубликована по-
весть «Попытка
к бегству»

Обложка
издания
«Трудно быть
богом»

Обложка
издания
«Обитаемый
остров». 1971 г.

Надо сказать, что братья Стругацкие — в обычном понимании — никогда не были диссидентами, антисоветчиками и героическими борцами с коммунистическим режимом. Но диссидентами очень часто становились их читатели, воспринимавшие у Стругацких тот самый, беспощадно караемый в Арканаре, «невосторженный образ мыслей» и участь подвергать сомнению казалось бы непреложные истины.

Кроме того, бдительные советские критики все чаще и чаще уличали авторов в тех или иных непростительных ошибках. Так, в 1966 году газета «Известия» констатировала, что повесть «Трудно быть богом», «вышедшая после интересных и нужных первых книг „Страна багровых туч“ и „Путь на Амальтею“, к сожалению, не свидетельствует об идейном и художественном росте авторов». А в 1967 году журнал «Октябрь», возглавлявшийся Кочетовым, обвинял ту же повесть в том, что она может «бросить тень на самоотверженную помощь нашего государства освободительным движениям в малоразвитых и колониальных странах». Через два с лишним десятка лет Борис Стругацкий скажет: «Слухи о реабилитации Сталина возникали теперь чуть ли,

*Борис и
Аркадий
Стругацкие.
Москва,
1983 г.*

не ежеквартально. Фанфарно отгремел смрадный и отвратительный, как газовая атака, процесс над Синявским и Даниэлем. По издательствам тайно распространялись начальством некие списки лиц, публикация коих представлялась нежелательной. Надвигалось 50-летие ВОСР (Октябрьской революции), и вся идеологическая бюрократия по этому поводу стояла на ушах. Даже самому изумрудно-зеленому оптимисту ясно сделалось, что „Оттепель“ „прекратила течение свое“ и пошел откат, да такой, что впору было готовиться сушить сухари... Сегодняшний читатель просто представить себе не может, каково было нам, шестидесятникам-семидесятникам, как беспощадно и бездарно давил литературу и культуру вообще всемогущий партийно-государственный пресс, по какому узенькому и хлипкому мосточку приходилось пробираться каждому уважающему себя писателю: шаг вправо — и там поджидает тебя семидесятая (или девяностая) статья УК, суд, лагерь, психушка, в лучшем случае, занесение в черный список и выдворение за пределы литературного процесса лет эдак на десять; шаг влево — и ты в объятиях жлобов и бездарей, предатель своего дела, каучуковая совесть, иуда, считаешь-пересчитываешь поганые сребреники... Сегодняшний читатель понять этих дилемм, видимо, уже не в состоянии...»